

На родину через тамарисковый парк

О чем рассказывал Василий Аксенов в Еврейском культурном центре на Никитской

Вероника Чернышева

О том, как встретились Вольтер и Екатерина. Вторая после 15 лет переписки. Встреча, назначенная на страницах романа «Вольтерьянцы и вольтерянки», автору далась дорого. За время работы над ней Аксенов перечитал много томов исторической литературы на трех языках и пришел к выводу, что век Прозрения в России еще длится.

О том, как учил американского студента писать роман. Как велел ему купить большой альбом и каждый день заполнять глупостями. «Пиши все, что думаешь, все, что видишь, все, что знаешь – любую ерунду. Рисуй лошадей, парусные яхты и женские профили до тех пор, пока не поймешь, что входишь в романное состояние».

О том, что, когда его спрашивают о пристрастиях в театре, он предпочитает говорить об антипристрастиях. И не может больше слышать, что кто-то где-то снова ставит Чехова. «Все слетаются на эти сестры, чайки, дяди Вани так будто, без этого никто не поверит в их талант».

О том, что есть принцип – не предлагать читателям афоризмов. «Жизнь надо терпеть», – сказал один писатель. «Жизнь надо любить», – сказал другой. «А вы что скажете?» – спросил кто-то из публики. «Но любить – это и есть терпеть в каком-то смысле, а жизнь надо жить», – продолжил афоризм Аксенов, сделав исключение для собравшихся.

О том, что с десяти лет перечитывает батальные сцены «Войны и мира».

О том, что маме в этом году было бы 100 лет. А когда Евгений Гинзбург было 40, они встретились в Магадане. Она выглядела совсем молодой, потому что, получив по освобождении из лагеря захламленную, но отдельную комнату в бараке, была счастлива. Она читала сыну наизусть Ахматову и Пастернака.

Когда же погиб – 2004 – 80 лет – с 44

Василий Аксенов и его почитатель.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

О том, что евреи и в Америке, и в Израиле, и в России однаковы – стремятся к филантропии, хотя все время отбиваются от соседей.

О том, что три ночи в августе 91-го были для страны революцией духа.

О том, что эмиграция размягчает. Люди начинают ездить по конференциям, получать хорошие гонорары, обосновываются в университетских кампусах. И уже не желают лезть на баррикады когда-то покинутой родины.

О том, что во французском воздухе нет пыли, а в Биаррице удивительно хороши тамариски. Над корявым уродливым стволом такого дерева – нежнейшая хвойная зелень. На ощупь она напоминает укроп. В тени этих деревьев хорошо отдохнуть после трудных путешествий в Москву.

И еще о том, что после поэмы «Тамарисковый парк» он вновь погрузится в романное пространство и обязательно возьмется исторически осмысливать современность. Но рассуждать об этом всерьез еще рано.

В разговоре было трудно поставить точку. Творческий вечер не нарушал законов жанра и в остальном – цветы, записки из зала, неуместные провокации: «А скажите, господин писатель, когда Россия поднимется с колен...» И встречи сорок лет спустя: «Вспомните, вы приехали в Одессу – четверо сценаристов: вы, Ежов, Конецкий и Данелия. Надо было создать сценарий какой-то очень смешной комедии для Одесской киностудии. Вы с Данелией наловили целую ванну раков. А они живые были и за ночь расплодились по гостиничному люксу. Вы тогда ничего не написали и через неделю разъехались, зато раков наелись на всю жизнь. Василий Павлович, подпишите книгу еще раз – это та самая. Так и пишите: «Композитору Рубашевскому. «Катапульта» – сорок лет спустя».